

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

СУККОТ

8 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Восемь вопросов из уроков рава Рафаэля Бенизри о Суккоте:
празднике радости и всеобщего, и о шалаше мира,
продлевающем Кипур до Ошана Раба, — почему ради
шалаша выходят из дома, почему приносят семьдесят жертв и
почему радость названа только здесь.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Суккота

- 01 Почему еврейские праздники называются во множественном числе?
 - 02 Билет уже получен — зачем ждать дальше?
 - 03 Семьдесят жертв за семьдесят народов
 - 04 Шалаш, который одевает, как жена одевает мужа
 - 05 Зачем возливать воду на жертвенник?
 - 06 Почему «шалаш Давида», а не «дом Давида»?
 - 07 «Шалаши — это уже ничто»
 - 08 Почему Сару звали также Иска?
-

Почему еврейские праздники называются во множественном числе?

ВВЕДЕНИЕ

Шавуот — множественное число. Суккот — множественное число. Кипури́м — множественное число. Но Песах — единственное число, и Ханука тоже. И Рош а-Шана тоже.

ВОПРОС

Что в свободе и в воспитании требует единственного числа там, где остальные праздники говорят во множественном?

ОТВЕТ

Мишлей, Притчи царя Шломо: «Ханох ла-наар аль пи дарко» — воспитывай отрока сообразно его пути.

Что касается свободы, коллективной свободы не бывает: каждый сам берёт на себя труд освободиться, вырваться из своей обусловленности, как внешней, так и внутренней. Это Песах — и это единственное число. Ханука — это воспитание, сама основа иудаизма; и здесь наша ошибка всегда в том, что мы сводим обучение к коллективу. Идеальное обучение требует одного учителя на одного ученика, как наставника, приставленного к одному-единственному ребёнку, потому что не у всех одинаковая восприимчивость и не у всех одинаковые способности. Это и советует царь Шломо: воспитывать ребёнка сообразно его пути — лучший способ преуспеть в воспитании. От человека к человеку.

И в Рош а-Шана каждого судят по отдельности, или каждый судит себя сам: человек сам участвует в замысле собственной жизни, в определении своего начала и своих целей. Но как только речь идёт о нашей приверженности пути Торы, — весь народ как один человек, с одним сердцем, с одной волей. Тора — основной цемент: уберите её, и не останется ничего, что могло бы создать единство еврейского народа, — то единство, которое на своём уровне отвечает провозглашённому единству Творца: Ты един, Имя Твоё едино, и народ Твой тоже един.

ВЫВОД РАВА

То, что завоёвывается в одиночку, говорится в единственном числе; то, что держится лишь вместе, — во множественном.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы воспитываем детей скопом, одними и теми же словами и с одними требованиями ко всем. Пусть каждый назовёт здесь собственный «путь» одного из своих детей — путь, который не принадлежит никому другому. И спросим себя: с кем за нашим столом мы говорим во множественном числе, когда с ним нужно говорить в единственном?

Билет уже получен — зачем ждать дальше?

ВВЕДЕНИЕ

В Йом Кипур все течения собираются в одной синагоге, с одним молитвенником, одной службой, одними устремлениями. День завершается записью в книгу жизни. И всё же вплоть до Ошана Раба мы продолжаем просить о питка тава, о добром билете.

ВОПРОС

Если приговор скреплён печатью в Йом Кипур, почему народ тянет до последнего дня Суккота, прося о своём билете?

ОТВЕТ

Вечерняя молитва: благословение Ашквейну, добавленное мужами Великого собрания, и его завершение — «А-порес сука́т шалом алейну».

Мы опасаемся, что день Йом Кипура был лишь возвышением души в состоянии духовной обусловленности — и что уже на выходе из Кипура оно миновало. Мы взяли на себя обязательства, но ещё не доказали, что сумеем их сохранить. Ибо в молитве есть две разные вещи: геула, освобождение, и шмира, сохранение. Нет пользы достичь состояния, если не умеешь в нём удержаться.

Об этом говорит само строение молитвы. Вокруг Шма утром три благословения: первое — всеобщее, хвала Б-гу творения; второе — за избрание Израиля среди человечества; третье — за освобождение Израиля. Вечером есть ещё одно: Ашквейну, где мы просим избавить нас от всякой беды и даровать защиту и которое завершается словами «Хранящий Израиль». Наши мудрецы спросили, зачем добавлено это четвёртое благословение, ведь в принципе ничто не должно стоять между благословением избавления и Амидой. Они ответили: это геула арихта, продлённое избавление: защита не прерывает избавление, она — его часть.

И нужна она ночью. Днём мы сознаём непрестанное чудо существования этого народа: как столь малый народ может противостоять семидесяти? Но ночью, когда мы встречаемся с демонами и жесточайшими гонениями, наша опора иная: утром это эмет, незыблемая, уже проверенная истина; вечером — истина, которая держится прежде всего верой в будущее. И благословение завершается словами: Тот, кто простирает над нами Свой шалаш мира.

ВЫВОД РАВА

Освобождение без сохранения — лишь прекрасное воспоминание.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Все мы знаем, что пообещали себе десять дней назад. Пусть каждый скажет, чему он уже дал угаснуть после исхода Кипура. А затем спросим себя: какая шмира, какая конкретная охрана нужна, чтобы решение продержалось до следующего года?

Семьдесят жертв за семьдесят народов

ВВЕДЕНИЕ

В дни Суккота еврейский народ приносит семьдесят жертв от имени семидесяти народов, составляющих человечество. И сказано, что в будущем все народы будут обязаны праздновать лишь один праздник: не Песах и не Шавуот, а Суккот.

ВОПРОС

Почему Суккот — и почему число семьдесят, вплоть до состава Великого Санедрина?

ОТВЕТ

Семьдесят жертв Суккота за семьдесят народов; семьдесят членов Великого Санедрина.

Почему семьдесят? Потому что человек, этот микрокосм, устроен согласно атрибутам, и эти образцы существования вписаны в структуру из десяти ступеней: когда семь вписывается в десять, получаются семьдесят образцов человечества. Они здесь, чтобы судить о нашем развитии, — и потому сам Великий Санедрин должен насчитывать семьдесят членов, представляющих те склонности, которые есть у народов и которые все заключены в ячейке еврейского народа.

Это праздник всеобщего. Дело, ограниченное своим маленьким «я», своей маленькой семьёй, своим народом, не было бы делом. И если все народы обязаны праздновать Суккот, а не другие праздники, то потому, что именно он им доступен: они ищут эту радость жизни, эту взаимодополняемость жизни. В будущем народы придут и скажут: мы тоже несём любовь к человечеству, у нас есть философии на службе человеку, у нас тоже есть свои сукки. Но когда дело доходит до претворения этих философий в жизнь и в игру вступают их сиюминутные интересы, мы видим их крах. Еврейский же народ худо-бедно сохранил свои ценности — и возвращает их.

Это и представляет обряд жертвенника, вокруг которого некогда совершали хакафот, как мы совершаем их сегодня вокруг Торы за неимением Святого Храма: в нём соединены минеральное — вода, пепел, камень, — растительное — мука, масло, — животное и, наконец, человек, наделённый речью, который придаёт всему этому смысл и питается этим, чтобы служить идеалу жизни.

ВЫВОД РАВА

Мы можем быть халой человечества — но хала благословенна, лишь пока она продолжает освящать остальное тесто.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Стол, за которым говорят только о себе, о своей семье и о своих, уже упустил Суккот. За какую часть мира мы в этом году объявили себя не ответственными? И кого вне нашего круга нам следовало бы пригласить до конца праздника?

Шалаш, который одевает, как жена одевает мужа

ВВЕДЕНИЕ

Мудрецы выделяют две мицвы, в которые человек входит целиком и которые его окружают: микву, свойственную скорее женскому, чем мужскому, и сукку, свойственную скорее мужскому, чем женскому. В вечер хупы невеста обходит кругами своего мужа.

ВОПРОС

Почему женское начало освобождено от мицвы сукки — и что это освобождение говорит о самой сукке?

ОТВЕТ

Хакафот невесты вокруг мужа под хупой; две мицвы, в которые человек погружается: миква и сукка.

Мой настоящий дом — не тот, в котором я живу постоянно и ради которого всю жизнь влезаю в долги, чтобы обеспечить себе лучший комфорт. Мой настоящий дом — моя сукка: та, что у порога моего дома, на крыше, на балконе. Она примыкает к дому, она уязвима, хрупка снаружи, но как прочна внутри! Она окружает меня, она меня одевает, как жена одевает мужа. Ибо женское — стена мужчины (таков смысл кругов под хупой), и сукка той же природы. Внутренняя суть сукки — это женское: вот почему женское от неё освобождено. Это не исключение, это признание.

И этот шалаш ставит нас в странное положение. В Суккот мы одновременно в арай, преходящем, и в кева, постоянном: сделай свою сукку постоянной, а дом — временным. Постоянное становится преходящим, а преходящее — тем, в чём обосновываются. Так в пространстве, и так во времени: весь месяц Тишрей — пузырь времени, подобный бейн а-шмашот, угасанию дня между вечером и наступающей ночью, о котором не знают, принадлежит ли он прошедшему дню или грядущему. Он на весах между ними.

Так и в человеческом: мы делим наши годы с дедушками и бабушками, с прошлым, и с внуками, с будущим, а наши собственные годы — те, что не посягают ни на прошлое родителей, ни на будущее детей, — это мимолётное настоящее, без подлинной плотности, на перекрёстке прошлого и будущего. Но именно там я нахожусь, и там мой колодец радости.

ВЫВОД РАВА

Выйти из дома — не значит лишиться крыши: это значит узнать, какая из двух крыш действительно нас защищала.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Сукка хрупка снаружи и прочна внутри; наши дома часто наоборот. Что мы укрепили снаружи в этом году и чему дали осыпаться внутри? И если бы нужно было выбрать одно, что укрепить в доме, что назвал бы каждый?

Зачем возливать воду на жертвенник?

ВВЕДЕНИЕ

На жертвенник вместе с ежедневной жертвой возливали вино. В Суккот, и только в Суккот, возливали воду. Спускались к источнику, черпали, поднимались с пением и трубными звуками — пятнадцать песен восхождения, соответствующих пятнадцати ступеням. Это называли радостью черпания.

ВОПРОС

Что же черпают, если не воду, — и почему эта радость стала вершиной всех радостей?

ОТВЕТ

Нисух а-маим, возлияние воды на жертвенник в Суккот, и Симхат Бейт а-Шоэва, радость черпания; пятнадцать Шир а-маалот, соответствующих пятнадцати ступеням.

Воды нет в перечне творения: неизвестно, когда вода была сотворена. С самого начала мы уже в мире, где вода существует, ведь дух Б-жий носится над водами. Эти воды, необходимые всякой жизни, существуют одновременно с проявлением Б-жественного духа. И отделили воды нижние, оставленные для нужд человека здесь, внизу, от вод верхних, которые называют шамаим.

Так что черпают не воду: черпают Б-жественный дух через эту воду, и его возливают на жертвенник, словно освящая его. Это возвращение к воде, породившей всё творение, ибо она одновременно очищает, возвращает и питает. Без неё ничего не может быть.

Эту радость мы сегодня стараемся воспроизвести на протяжении всего праздника — танцами в синагогах и залах, но всегда в хороводах, в той идеальной геометрической фигуре, в которую вписан не только еврейский народ, но и всё человечество, представителями которого мы являемся. Мы беремся за руки, чтобы танцевать, а танцевать — значит поднимать ногу: нога, которая обычно лишь скребёт землю, увязнув в своей материи, в своей обуви, совершает здесь усилие левитации.

ВЫВОД РАВА

Мы танцуем не потому, что урожай хорош: мы танцуем потому, что нога согласилась оторваться от земли.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Танцевать — значит поднять ногу, согласиться хоть раз не быть вросшим в свою материю. Что в каждом из нас отказывается оторваться от земли: привычка, расчёт, осторожность? Что мы на самом деле черпаем, когда думаем, что черпаем воду?

Почему «шалаш Давида», а не «дом Давида»?

ВВЕДЕНИЕ

Мы молимся о том, чтобы был поднят упавший шалаш Давида. Не империя Давида и не его обширное царство — его шалаш. И каждый вечер мы просим Б-га простереть над нами Свой сукат шалом, шалаш мира.

ВОПРОС

Почему наши молитвы просят поднять шалаш, а не отстроить дом?

ОТВЕТ

«А-Рахаман, ху яким лану эт сукат Давид а-нофелет»; «А-порес сукат шалом алейну» в вечерней молитве.

Когда дом разрушается, его нужно строить заново, — а строить заново никогда не то же самое: меняют планы, меняют основу. Но упавший шалаш собирают снова: это просто разобранный шалаш, которую восстановят, и это всё тот же шалаш. Вот почему шалаш мира — защита, всегда тождественная самой себе. Снаружи она выглядит трагично; внутри она очень прочна.

И Давид — это не империя: это дух, дом, который не тюремное укрытие для человека, а открытый дом — открытый природе, людям, всем течениям, способный соединить все составляющие в одном служении. Это мы и делаем с четырьмя видами: этрог, у которого есть и вкус, и запах, — образ совершенного человека; лулав, утверждающий себя своей вертикальностью; хакас, у которого есть лишь запах; и арава, у которой нет ни запаха, ни вкуса, но она здесь и имеет право голоса, — настолько, что в Ошана Раба мы берём только её. Вчера эти ветви ничего не стоили, после праздника не будут стоить ничего: в праздник они — служение Б-гу и человеку. И этрог, склонный к независимости, к обособленной жизни, тоже здесь, чтобы распространять свой аромат и делиться им с другими.

Этот мир — не любой мир. Отмечают, что у слов «Эсав» и «шалом» одинаковое числовое значение. Когда Эсав предстаёт перед Яковом, он предлагает именно мир: пойдём вместе. Это и предлагают нам народы: не беспокойтесь, мы вас прикроем, мы обеспечим вашу защиту. В этом самая большая опасность, потому что это иллюзия, и Яков отвечает: мы не можем идти вместе, мир, как ты его понимаешь, — не мой. Поэтому носителем истинного мира был Аарон, стремившийся устанавливать мир внутри народа, и по его заслуге нас окружали облака славы. Символ сукки — Аарон.

ВЫВОД РАВА

Отстроенный дом меняет план; поднятый шалаш остаётся тем же — потому и молятся о шалаше.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Нам часто предлагают мир, который нас прикрывает, в обмен на то, кто мы есть. Где в этом году мы приняли удобный мир вместо истинного — в семье, на работе, с самими собой? И у кого за этим столом есть мужество Аарона: пойти и добиваться примирения, за которое никто другой не берётся?

«Шалаши — это уже ничто»

ВВЕДЕНИЕ

На выходе из Кипура не отдыхают: берут доски и строят постройку, которая ничего не стоит, — стены, что плохо держатся, и крышу, сквозь которую видно небо. Затем покидают дом, чтобы жить в ней восемь дней.

ВОПРОС

Почему первое, что требуется после самого высокого дня года, — выйти из дома и поселиться в том, что ничего не стоит?

ОТВЕТ

Потому что выходят из своего кокона. Выходят из своего дома, из своей обусловленности, из своей коробки, из своих убеждений — и выставляют их на свет, применяют их на деле. Открывают свою дверь, открывают свой дом. И оказываются все под одной тенью, под защитой Б-га, где никого нельзя отвергнуть.

Ибо нельзя оставаться в мире теории; нужно повседневное применение. На выходе из Кипура надо проверить, верно ли мы себя измерили или сочли себя цадиким гмурим, совершенными праведниками, которым больше нечего исправлять. Мало и просить прощения вообще: если согрешил против ближнего, нужно сказать ему, чем именно, выставить напоказ собственную вину. Это и значит вновь обрести своё обязательство перед ближним.

А доказательство даётся в скудости. Четыре вида, которые мы берём в руки, вчера не стоили совершенно ничего; после праздника они не будут стоить ничего. Но в праздник они — служение Б-гу и человеку. Шалаш — из той же ткани: то, что ничего не стоит, становится на восемь дней местом, где доказывают обещанное.

ВЫВОД РАВА

То, что ценно в Суккот, никогда не бывает дорогим.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Выйти из своей коробки легко сказать. Пусть каждый назовёт убеждение, которое ему никогда не приходилось отстаивать вне дома, потому что за его столом ему никто не возражает. И ещё вопрос: у кого мы просили прощения, так и не сказав, за что?

Почему Сару звали также Иска?

ВВЕДЕНИЕ

Слово «сукка» происходит от корня, означающего покрытие, — схах, который набрасывают на шалаш. Но тот же корень говорит совсем о другом: видеть, видеть дальше. У Сары было второе имя — Иска.

ВОПРОС

Какое отношение шалаш имеет к видению — и что именно видит тот, кто согласился укрыть ближнего?

ОТВЕТ

Сара, названная Иской, потому что видела дальше вещей; слово «сукка» — от корня, означающего покрытие.

Это покрытие мы хотим для себя и хотим разделить его со всеми: мы ответственны, мы — покрытие друг для друга. И когда мы проникаемся этим долгом взаимно укрывать друг друга, мы достигаем видения — пророческого видения. Таков смысл второго имени Сары: она могла видеть за пределами вещей, другую сторону, святое во всяком подходе и всяком движении жизни.

Ведь опасность в том, чтобы погрузиться в повседневные заботы, в проблемы, и переживать их каждый день с их долей разочарований и неприятностей. Тогда мы теряем запредельное во всём, наш взгляд становится совсем узким, и мы уже сдались поражению и отчаянию. Шалаш же раскрывает взгляд: он открыт природе, открыт людям, открыт всем течениям.

А держать лулав в праздник — значит сказать прямо противоположное отчаянию: мы победили. Не потому, что наша жизнь идеальна, без ошибок, — это невозможно. Но мы преодолели подводные камни и поднимаем голову.

ВЫВОД РАВА

Тот, кто никого не укрывает, в конце концов не видит ничего, кроме своих забот.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый вечер мы переживаем одни и те же неприятности, и наш горизонт сужается. Пусть каждый назовёт заботу, которая в этом году больше всего поглотила его взгляд. И кого вокруг нас мы бы действительно увидели, если бы согласились его укрыть?